

УДК 398; 801.8

Улькер Азад гызы Набиева

к.ф.н., сотрудник Бакинского государственного университета, Баку, Азербайджан

Обрядовый фольклор в тюркском эпосе

Аннотация. В статье к исследованию привлекаются праздничные и свадебные обряды как наиболее распространенные в древнетюркском фольклорно-мифологическом мышлении. Одним из литературно-культурных памятников, заключающих в себе широкие сведения об этих церемониях, является эпос «Китаби-Деде Горгуд». Праздник и свадьба у огузов всегда отличались от аналогичных обрядов других народов богатством своих ритуалов и традиций, являясь в то же время совокупностью высоких культурологических ценностей.

Ключевые слова: тюркский эпос, мышление, огузские племена, эпическая память, обряды, той.

В фольклоре тюркских народов обряды-церемонии, праздники и свадьба занимают особое место. Во многих дастанах можно часто встретить описание празднеств и свадеб в качестве широко распространенных церемоний. Эпос «Китаби-Деде Коркут» является одним из литературных памятников, наиболее полно и цельно отражающих обе церемонии.

На первый взгляд, в эпосе «Китаби-Деде Коркут» обе культурологические ценности не очень заметны. Хотелось бы напомнить слова древнегреческого философа Демокрита: «Жизнь без праздников – это длинный путь без заезжего двора». Как и у других народов, у огузов также праздник является более широкой, обладающей более обширным содержанием церемонией. В то же время, это и совокупность церемоний-ритуалов, обычаев и традиций. «По своему содержанию и сути, праздник – самая большая культурологическая ценность. Он является важным показателем циклических проблем тюркского общества, психологии народа. Праздник определяет оптимальные пути устранения напряженности, обеспечивает равенство в обществе, перекрывает пути, ведущие к несправедливости» (1, с.81).

По нашему мнению, в «Китаби - Деде Коркут» крупные праздники огузов затерялись в слиянии свадеб и церемоний. Тому есть свои причины. Обогащение тюркского эпического мышления на определенном этапе развития родо-племенной жизни было связано с обогащением обрядами, верованиями, ритуалами и другими обычаями и традициями, а также стиранием крупных праздников из эпической

памяти. При этом уже завершающие свою функцию в профессиональном репертуаре импровизаторы выдвигали на передний план более близкие и реальные факты тюркской эстетической мысли. В репертуаре озанов росло нарушение архаических ценностей. Огузы, также как и другие этнические группы, подвергались эволюционным преобразованиям благодаря духовному росту тюркского народа, и в связи с этим праздничные и другие церемонии подавались видоизменениям, усиливалась роль новых обычаев, традиций и церемоний.

Стирание эпической памяти был не таким уж и легким процессом. В этом смысле, очень ценна для коркутоведения мысль известного азербайджанского языковеда К.Абдуллы о том, что за перенятыми сюжетами, мотива и даже отдельными эстетическими ценностями, в более глубоких нижних слоях эстетического сознания существует более архаическое сознание, которое является для эпической памяти не чуждым кодом или моделью, а деталями близкого, родного сознания (2, с.43). В этом смысле, за миром обычаев, традиций и обрядов эпоса стоит также и выступающее в функции более масштабной морально-нравственной и культурологической ценности тюрков праздничное и свадебное сознание. Тюркские исследователи предприняли попытку внести ясность в этот вопрос (3, см: Kirzioğlu (Çelik) M.T. «Dede- Korkut» kitabındaki coğrafi isimler, Ülkü dergisi, 1941, с.120). Так, иногда коркутоведы называли культурологические ценности обычаями, традициями, а иногда своим именем – праздник, свадьба, высоко оценивали

их роль в изучении жизни общества. Говоря об этом вопросе, выдающийся азербайджанский фольклорист М.Г.Тахмасиб указывал: «Для глубокого познания и разъяснения духа, менталитета, нравственности народа эти древние обычаи (древние праздники и свадьбы – У.Н.) часто выступают в роли наилучшего средства. Можно отметить что, часто кажущиеся утерянными навсегда исторические тайны становятся возможным раскрыть только посредством этого исторического ключа.

Одновременно, подобные традиции выполняют роль лучшего средства и для осмысления мировоззрения народа, его отношения к различным вопросам, его нравственных качеств» [4, с.386].

Действительно, обладающие столь широким содержанием обычаи, традиции и праздники превращаются в критерий эпической памяти, и стереть его оттуда крайне трудно. Одним из широко освещенных в эпосе обширных мероприятий является осуществляемая раз в год раздача всего имущества кагана. Из эпоса явствует, что раз в год Баяндыр хан устраивал застолье, на которое приглашались все огузы. Потом он брал за руку супругу и покидал свой дом, отдавая все имущество на разграбление бедным. И так, каждый год. М.Г.Тахмасиб рассматривает это не как праздник, а как обычай, направленный на поддержку неимущих (4, с.287). Однако, если подойти к вопросу в плане исследования следов обычаев, традиций и церемоний, ясно видно, что по сути это последний день широко отмечаемого у огузов праздника – так называемый улу той, день радости, который все огузы отмечали как празднество. Мы считаем, что это мог быть даже вечер накануне праздника Новруз или конец большого тоя. Ряд регионов в этот день отмечает праздник Новруз. Он является также днем проведения церемоний прихода весны [5, с.27].

Эпическая память крайне мобильна – эпизодически упоминаемые в определенном репертуаре культурологическая ценность, факт, событие могут быть отображены в другом репертуаре, рассказе и пр. в новом варианте. Подобный творческий процесс наблюдается и в эпосе «Китаби- Деде Коркут». Этот праздник, в котором пересекаются земледельческая культура и календарные представления тюрков, преподносится в качестве одного из знаменательных массовым весельем всего рода и племени праздников. По нашему мнению, при повторном возвращении сюжета в репертуар

озанов в средние века, исповедующие Ислам озаны предприняли попытку убрать из сюжета свадебно-праздничное настроение и отодвинуть его на второй план, ограничившись лишь сохранением штрихов Новруза. М.Г.Тахмасиб совершенно справедливо пишет: «...Ислам долгое время старался предать этот праздник забвению, а поняв, что не добьется успеха, предпринял попытку связать его со своей историей, и даже с вознесением в халифат четвертого халифа. Однако, более позднее наслоение этого не вызывает сомнений. Во-первых, мусульманские праздники отмечаются по лунному календарю, в силу чего приходится на различные времена года, тогда как Новруз стабильно отмечают исключительно в первый день весны» [5, с.2].

Еще одной привлекающей внимание в эпосе, являющейся характерной для родо-племенной жизни огузов и охватывающей широкие слои общества важной культурологической ценностью является той (свадьба). В тюркском быту той – источник радости и гордости, цикл символов обычаев, традиций и ритуалов [6, с.83-87]. В эпосе «Китаби - Деде Коркут» той обладает не только обширными смысловыми нюансами, но и большим содержательным и ритуальным охватом. История сформировавшегося на таких ценностях, как «уход за невестой», «женитьба с условиями» тюркского тоя сложна и противоречива. Достаточно сказать, что впоследствии горечь таких традиций, как «кража невесты», «привести из другого рода невесту», «убив (или обманув) на поле боя богатыря, кража невесты» и пр.тюрки сформировали традицию проведения свадьбы после сватовства. Наряду с перечисленными формами, в «Китаби- Деде Коркут»е сильна и переработанная позднее в соответствии с исламскими ценностями традиция женитьбы после сватовства. В эпосе той – это общенародная церемония, которая характеризуется как малый модель праздника, наиболее распространённая форма обряда. В ней участвуют или, по крайней мере, о ней информированы все слои общества. Огузский той радость, веселье не только для двоих, или родных а общенародное достояние, в котором участвует весь огузский эль, вся огузская страна. Той является зеркалом этнопсихологического состояния общества, внутреннего морально-нравственного мира огузов. В эпосе той охватывает одновременно доисламские и послеисламские этапы создания семьи, обустройства семейного

очага. Так, следовавшее за знакомством с невестой, выбором ее сватовство создало многоэтапный цикл тоя и он, в целом, сформировал модель народного веселья, находящегося в центре внимания общества [1, с.27].

В эпосе «Китаби - Деде Коркут» свадебное сознание отражено всем охватом эпической памяти. Этот мотив проявляется в боях – сказаниях о «Ганлы годжа оглу Гантуралы» и о «Бамсы Бейрек» [7, с.52-67;85,93]. Заметно то, что по многим моментам той продолжается с мотивами рождения ребенка, наречения, и воспитания. Эти моменты привлекали внимание исследователей и по поводу их высказаны множество интересных суждений. В эпосе на переднем плане находятся такие вопросы, которые занимают своеобразное место, позицию в тюркском обществе. Однако, здесь общее композиционное строение событий значительно отличается от других сказаний. В огузнаме рождение Бейрека, становление как богатыря, неудачная свадьба, жизнь в плену, возвращение и воссоединение с возлюбленной отражены в компактном содержании эпической памяти. Бой-сказание привлекает внимание в некоторых моментах. Во-первых, из содержания изложенных здесь событий явствует, что существовал отдельный огузский эпос, связанный с Бейреком. Многие его героические поступки, о которых не упоминается в эпосе «Китаби - Деде Коркут», были отражены в не дошедшем до нас более древним огузнаме. Согласно сохранившейся в эпической памяти и частично отраженной в эпосе определенной информации, Бейрек был одним из четырех скрывавших свое лицо огузских героев. Это право было предоставлено ему в силу того, что он был прославленным богатырем. Однако, описание его боевой жизни в эпосе представлена не на соответствующем этому уровне. В известном нам эпосе Бамсы Бейрек не может подняться до уровня главного героя. И первая свадьба, и вторая, которая состоялась после возвращения Бейрека из плена, отражают огузский быт во всей его этнографической красоте. Вся жизнь Бейрека – связана с необычными событиями. Даже на свет он появился необычно. Был обручен еще в колыбели и при встрече не узнал свою нареченную. Встретились они на поле брани. Необычно также и его пленение в момент, когда после свадьбы Бейрек уже входил в гердек-шатёр своей возлюбленной. Враг напал на него внезапно и Бейрек был пленен вместе с сорока соратниками. В то же время, бой-ска-

зание, как уже было отмечено выше, сохраняет в себе элементы большого огузского эпоса. Узбекский фольклорист, профессор Х.Т.Зарифов пишет: «...в тюркском эпосе происходили интересные процессы. Иногда хотя связанный с именем великого героя репертуар, еще не завершившие свое существование циклы рассказов продолжают исполняться различными сказителями, а другие сказители не принимают этот цикл. В эпической памяти на основе связанных с этим героем в репертуар вводится новый цикл сюжетов. Эпическо-романтические события и приключения регулируются и создается новый эпос. Большим творческим образцом в этом плане является творчество поэта Пулкана. В его репертуаре «Алпамыш» - это новый эпос. Подход Пулкана привнес в «Алпамыш» новую жизнь и новое содержание. Очистив эпос от многословия сказителей, он сумел отобразить в своем творчестве художественный образ истинного узбекского героя и его героизм» [8, с.31].

В тюркских эпосах существует и другой творческий путь. Это – объединение эпической памяти вокруг одного героя и создание цикла сюжетов, воссоединение народа со свободой, счастьем, а главное, всеобщее объединение и присоединение к борьбе за защиту своей земли. Эта творческая традиция была присуща сказителю Фазилю Юлдаш оглы и всей своей творческой мощью сконцентрировалась вокруг цикла «Гёроглы».

В тюркском эпосе имеет значительное место импровизация сюжетов в виде единого сказания, а также традиция создания нового эпоса на основе живущих в эпической памяти разных героических мотивов. Видимо, исторически обладавшее обширным содержанием сказание о Бейреке, пройдя в репертуаре озанов этап переработки, превратилось из большого эпоса о жизни этого героя в краткие сюжеты. Во всяком случае, это творчество, в определенной степени, связано с переменами в огузском обществе, с проявляющимися в жизни общества, самое главное, с противостояниями между огузскими племенами.

А свадебное сознание в жизни племени, как отмечалось выше, раздваивается и здесь превалирует не описание свадьбы Бейрека, а демонстрация этнографической жизни племени, охватываются свадебные впечатления огузов.

Интересны не только структура тюркского тоя, но и отражающие родо-племенную жизнь огузов его этапы, что нашло свое отражение и в

эпосе. Если принять этот бой-сказание за отражающий этнографическую жизнь огузов показатель, опять же сможем увидеть там следы большого героического эпоса. В свое время, проследив этот процесс, фольклорист Х.Г.Короглы также пришел к выводу, что «в композиции отдельных сказаний огузского эпоса заметен, первую очередь, синкретизм. Многолетний героизм одного героя, по какой-то причине, обрывается, вся индивидуальность концентрируется в одном бой-сказании. Во втором случае, в новообразованном сюжете героизм отходит на второй план, а различные противоречивые и туманные слои племенной жизни выходят на передний план на основе факта свадьбы... Х.Г.Короглы также сумел разглядеть концентрацию связанного с Бейреком большого героизма в одном сказании. Может быть это было сделано озанами с целью выдвижения на передний план показателей племенной жизни огузов. В последующей части своего исследования Х.Г.Короглы логически обосновывает повторение поэтической структуры «Деде Коркута» [9, с.127-179].

Все происходившие в озанском репертуаре подобные изменения синхронизировали также и отражение принадлежавших жизни племени показателей в эпосе. Это позволило озану не только отразить всё своеобразие жизни племени, но и сохранить традиционный архетип огузской свадьбы – рождение, женитьба, пленение и смерть героя. На фоне этой трагической судьбы Бейрека племенные реалии огузов обширны, последовательность событий

в сюжете традиционна, отражение в репертуаре реально и последовательно.

И так, «Китаби - Деде Коркут» сконцентрировал в тюркском сознании важный круг развития и возвышения жизни героя в моделях праздников и свадеб, что привлекает особое внимание в качестве высочайшей ценности мастерства тюркского народа.

Литература

- 1 Набиева У. «Китаби-Деде Коркут» в тюркском эпическом мышлении. «Деде Коркут»/ Науч. сборн. – Баку. – 2006. – №3 (20).
- 2 Абдулла К. «Тайный Деде Коркут». – Баку, 1991.
- 3 Kırzioğlu Çelik.M.T. «Dede Korkut» kitabın-daki coğrafi isimler. İstanbul: “Ülkü dergisi”, 1941.
- 4 Тахмасиб М.Г. Азербайджанские народные дастаны (сред.века). – Баку, 1972.
- 5 Тахмасиб М.Г. Обычай, Традиция, Обряд, Праздник/Статьи. газ. «Литература и искусство». – 12 марта 1966. – Баку, 2005.
- 6 Вопросы фольклористики (научный–теоретический и литературно-художественный журнал). – Т.9. – №1. – Баку, 2011.
- 7 «Китаби-Деде Коркут» (составители, транскрипция, упрощен. вар. и предисловие Ф.Зейналова и С. Ализаде). – Баку, 1988.
- 8 Зарифов Х. Узбекские народные сказители. – Ташкент: Рулкан шаир, 1997.
- 9 Короглы Х.Г. Огузский героический эпос. – Баку, 1999.

* * *

In the article, celebratory and wedding ceremonies are involved in research as the most widespread in ancient Turkic folklore and mythological thinking. The epos “Kitabi-Dede Gorgud” is one of the literary-cultural monuments comprising wide data on these ceremonies. The holiday and wedding at Oghuz always differed from similar ceremonies of other people by riches of the rituals and traditions, being at the same time set of high cultural values.